

Валерия Гречина

СТУБЛЕВО

маленькая повесть

Пенек

Буду сидеть пеньком в лесу. Загорелые с запекшимися болячками коленки будут шишками, пачканные в песке пальцы ног — корнями. Они уткнутся в мох, они станут длинными, как усы нашей серой, с переливчатой шерстью кошки. Они будут расти в обратном направлении неба, не вверх, но вниз. И я врасту в землю. И буду частью нашего глубокого, как колодец леса, куда мы погружаемся каждый раз, когда ходим по грибы. Куда мы надеваем белые, как наволочки, косынки. И на затылке получают вислые треугольники. Как ветер — так подзатылочные лохмы шевелятся, нет ветра — сидят тихо и не высовываются. Мы гнем спины возле каждого пня, а если попадет красный с белыми точками и кружевным воротником мухомор — ходим вокруг него, вглядываемся в землю, ищем замшевые шляпки белых. А потом, найдя, долго хвалимся, а потом, придя домой, морщимся при виде разваренных, склизких, как улиточные начинки, белых.

Буду сидеть пеньком в лесу. Мои руки станут тонкими ветвями. Они будут ломаться от ветра, они будут хрустеть под калошами грибников, которые пойдут искать тонкотелье сыроежки, желтовато-бежевые лисички, рыжеголовые подосиновики, уже обреченные быть срезанными с земли, чтобы вариться в супе, чтобы сушиться на нитке, чтобы сидеть в стеклянной банке и глядеть в погреб.

Буду сидеть пеньком в лесу. Буду молчать долго-долго. Моя болтовня станет эхом, которое будет частью леса. Которое будет силой леса.

Я буду молчать долго-долго, и все мои слова станут вязкой смолой.

Глаза щиплют слезы, они еще не пробились наружу, но уже просятся.

— Ну что же вы молчите? Я не хочу быть пеньком!!!

Мотя

Мотя будет мяукать громко, ее мяуканье станет громом, ее мяуканье станет эхом. Оно будет разбиваться блюдцем, оно будет разбиваться и сыпаться на пол мелкими осколками. И из них не получится собрать Мотю, из них не получится собрать Мотю.

Мама выйдет из машины, мама не найдет ее в комнате. Мама будет говорить «кис-кис», а мы будем молчать. А потом все расскажем, и мама расплачется. И мы все будем сидеть и плакать, сидеть на заправленных кроватях и плакать. А потом глядеть в обрамленное белыми занавесками окно и слушать, как кукарекает петух.

Мотю закопает бабушка в синих рейтузах, а ей поможет дедушка в шерстяной кепке. Они вернутся с лопатой, которой окучивают картошку. Они поставят лопату на место. А потом будет тихо-тихо. А потом говорить будет нечего.

Тарзанка зарастет травой. И я буду бояться ходить в ту сторону, я буду бегать в деревянную кабинку туалета, где пауки ткут никому ненужные, еле заметные ткани, куда попадают мушинные крылья, сохнут и рассыпаются. Я буду бежать туда, я буду торопиться, я буду с ужасом вглядываться в кусты малины. А потом хлопать дверью и нестись назад, спотыкаясь и ежесекундно оглядываясь. Я буду долго терпеть, я буду считать минуты, я буду писаться в штаны. А Мотя будет выглядывать из-за кустов малины. А Мотя будет шипеть.

Дедушкина кепка

Дедушкина кепка будет наполняться вишней, она будет тяжелеть, ее будет тянуть к земле. А я буду тянуться вверх, а я буду тянуться к ветке, я буду щекотать изнанки листьев кончиками пальцев. С дедушкиных рук будут свисать вишневые грозди, двойные и тройные. Они будут похожи на сережки, я буду надевать их на уши, я буду красоваться перед дедушкой. А он будет посмеиваться, а он будет чесывать спину. Рубашка будет пузыриться от ветра. Рубашка будет липнуть к спине.

Я буду есть вишню, я буду ходить по саду, я буду плевать косточками, я буду сеять вишневые деревья. Косточки непременно прорастут, косточки прорастут. А когда я вернусь к вишне, дедушки уже не будет. И кепки не будет. Я буду ходить по саду, я буду искать дедушку. Я зайду в комнату — бордовое кресло будет пустое. Я побегу в беседку — кровать будет пустая. Я буду искать дедушкину кепку. Я буду играть с ней в прятки. И я найду ее на мосту, где мы стираем белье. Я увижу ее на поручне. Она будет висеть на гвозде, на который я не раз натыкалась. Она будет вся в колючках. Я сорву ее с гвоздя и стану ловить головастиков. Их будет много, они будут глянцево-черные. Они будут шевелить хвостами в нутре кепки. Вода будет вытекать. Головастики будут искать воду. Они будут похожи на вишни, которые мы собирали утром, которые мы собирали с дедушкой, который куда-то пропал, который оставил свою кепку висеть на гвозде. А потом я увижу дедушку, он будет выныривать из пруда. Я уроню кепку в пруд, из нее выплеснутся все головастики. Я побегу что есть мочи.

Дедушка станет меня нагонять. Дедушка будет похож на тучу, которая нависает надо мной. Дедушка грянет громом, дедушка будет кричать, и из его разинутого рта будет тянуть чем-то резким и чужим. От этого запаха будет кружиться голова.

Мухи

Я буду слышать жужжание мух даже тогда, когда их полиэтиленовые с черными прожилками лопасти крыльев будут засыпаны песком, даже тогда, когда их коричневые фасетки глаз будут засыпаны песком. Я буду слышать жужжание, я буду слышать его сквозь толщу песка, я буду слышать его сквозь песок.

Мухобойка хлопнет об стену, мухобойка хлопнет об стол, покрытый клеенчатой скатертью. И что-то непременно разольется. И бабушка всплеснет руками. И ее руки медленно опустятся. И ей захочется спать. И ее глаза будут слипаться. А посуды будет гора. А вода будет ледяная.

Мухобойка будет похожа на лопату. Мухи будут падать в обморок. Мухи будут падать в обморок, а мы будем их поднимать, а мы будем приводить их в чувство, обливая водой. Мухи будут глядеть по сторонам, один глаз влево, другой — вправо. Мухи будут тарачить свои глиняно-каштановые глаза по сторонам. А мы будем рыть ямки. А мы будем опускать их туда по очереди. А мы будем рыть канавы, мы будем опускать их туда по очереди. А потом — засыпать песком. А потом быстро забывать, куда опустили. А потом забывать.

У бабушки будут студёные руки. В левой руке она будет держать совок, в правой — веник. Правой рукой она сметет все, что есть в комнате: пыль, похожую на потемневшую муку, от которой хочется чихать, бумажки от наших конфет, кусочки ссохшейся грязи от дедушкиных калош, и все то, что раньше было мухами.

Глиняная кружка

Я буду замешивать глину, она будет липнуть к рукам, она будет попадать в глаза, я буду пытаться тереть глаза локтем. Я буду замешивать глину, она будет похожа на тесто, из которого бабушка лепит пирожки. Я буду вертеть в руках комок глины, я буду тыкать в него пальцем. Я буду лепить стенки кружки. Я буду лепить ручку, я буду скручивать ее в колбаску, я буду вдавливать ее в стенку. Я буду вертеть в руках комок глины. Он не будет похож на кружку. Он не будет похож на кружку. Стены будут расплзаться. Ручка будет отваливаться. Я смешаю все в ком, я заброшу его в пруд.

А они будут сидеть в сторонке, а они будут лепить фигурки из глины. И никто не заметит, как я захожу в воду, как она обжигает мне ноги. Как я сею горох в одиночку, как кричу: «Баба сеяла горох и сказала деду “Ох”», как я окунаю голову в пруд, как я выпускаю слезы. Они будут сидеть на берегу, они будут греть спины на солнце, они будут лепить фигурки из глины.

А потом я выйду на берег, и буду собирать дикую малину, обшитую бархатом, ее края будут с темновато-седой корочкой, с червяком и без червяка. Я буду собирать малину в рот. Я буду давиться малиновыми косточками. Я буду думать о кружке. А они будут сидеть в сторонке. А они будут лепить фигурки из глины.

Борщ

Буду сидеть над супом, как над колодецем. Буду хлебать борщ, он будет течь по бороде, он будет попадать за пазуху, он будет щекотать грудь. Картошка будет проглатываться быстро. Капуста будет застревать в горле. Бабушкины щеки будут краснеть, как борщ, дедушкин нос будет краснеть, как борщ. Я буду давиться тертой свеклой, я буду давиться тертой морковью.

Я буду кашлять громко, надеясь, что меня выставят за дверь. Тишина будет виснуть долго. Я буду долго давиться. А потом посмотрю в колодец, а потом отодвину его подальше. А потом скажу: «Больше не буду». Бабушка сморщит подбородок. Он будет похож на яблоко, которое я нашла в кармане своей прошлогодней куртки. «А ну, ешь!» — гаркнет бабушка. «Ешь, кому говорят!» — гроыхнет дедушка. И я буду выжимать из глаз слезы, как выжимают из половой тряпки воду. А я буду выжимать из глаз слезы, и глаза будут щипать. И будет все расплываться. Бабушка будет расплываться, и дедушка будет расплываться. А тарелка с борщом будет стоять передо мной. Ей тоже захочется расплыться. Но она будет стоять передо мной. Целая, невредимая.

И тогда я проговорюсь тихо, что скучаю по маме. И тогда я проговорюсь тихо, но они услышат. Они услышат, и станет нечем дышать. И комната станет как будто темнее. И комната станет похожа на борщ.

А потом я буду сидеть на качелях. Они будут звенеть цепями. Я буду вглядываться в дорогу, я буду вслушиваться в дорогу. А дорога будет молчать. А мама за мной не приедет.

Живот

Я буду лежать под пуховым одеялом. Я буду вглядываться в окно. А в окне будет толпа яблонь. А в окне будет толпа яблок. И все будут одинаково черные. Внизу живота

будет потягивать. Бабушка будет храпеть. Я бесшумно раскрою одеяло, я дошлепаю до улицы, я дотронуся голыми пятками до холодной травы. Я присяду на горшок, и буду глядеть на горошины звезд. А потом нырну под одеяло. И буду пытаться уснуть. Живот будет снова тяжелеть. Живот будет упрасивать меня встать. Я раскрою одеяло, я услышу бабушкин шепот. Он будет шершавить уши. Уши будут чесаться. Внизу живота начнет постанывать. Внизу живота начнет покалывать. Живот заполнится, как бочка после дождя. Живот станет твердым, как трехлитровая банка. Я буду ворочаться. И не встану. Я буду пытаться уснуть. Я буду считать храпы. Я буду смотреть на подушку с бабушкиными мятыми волосами. Живот будет терпеть долго. Живот будет терпеть долго. А потом он сдастся. А потом он выпустит все из себя. И станет легко. Тепло расплывется подо мной. А потом — остынет, как остывает чай. И ночнушка станет липнуть к ногам. Я буду слушать бабушкин храп, я буду ежиться от холода, мурашки будут бегать по рукам. А в окне будет толпа яблок. И все будут без ночнушек. И все будут без ночнушек. И я накроюсь.

А наутро бабушка заподозрит неладное, бабушка распахнет одеяло. Бабушка увидит желтые, похожие на тучи пятна. И шепот превратится в крик. И уши мои заржавеют.

Солнце будет слепить, и белая простыня будет висеть на нитке, и белая ночнушка будет висеть на нитке.

Велосипед

Я буду сидеть на велосипеде, я буду держать его коленками, чтобы он не упал, чтобы не отлетело зеркальце, в котором видны мои спутанные волосы, в котором видны мои прищуренные глаза, чтобы не отлетело зеркальце, чтобы оно не разбилось, чтобы мне не пришлось собирать себя среди клевера и подорожника, чтобы не пришлось собирать себя. Я буду сидеть на велосипеде, я буду упираться в резиновые ручки руля. Ладони будут потеть, коленки будут подрагивать. Коленки захотят его отпустить, чтобы он рухнул на землю. Коленки захотят его отпустить, чтобы рвануть в сад, чтобы набегаться вдоволь, чтобы впустить в чашечки свои яблочного воздуха, чтобы нарвать в подол юбки зеленых и кислых яблок, чтобы кусать их и морщиться, чтобы выплевывать пережеванную кашу за забор. А велосипед будет совсем новенький, а велосипед будет перламутрово-синий, он будет переливаться на солнце. Дедушка будет поглядывать в окно. Дедушка будет постукивать кулаком по стеклу, дедушка будет сердиться. А я буду сидеть неподвижно, а я буду бояться ехать. А я буду поглядывать в зеркальце, а я буду искать в нем спасения, а в нем будут только прищуренные глаза, а в нем будут только спутанные волосы. Я оглянусь на веранду, из которой выглядывает дедушка, я наберу в рот побольше воздуха, я нажму на педали, и велосипед подастся вперед, и руль начнет уводить в сторону, и я начну падать. Я поймаю

ногой землю. Я остановлю велосипед. Я соскочу с него, я брошу его в траву. Дедушка выйдет из веранды, дедушка покажет кулак. У него будет расстегнута рубаха. Я подниму велосипед, я усядусь на кожаный треугольник, он будет немного жать. Внизу будет почесывать. Я надавлю на педали, ноги начнут крутить их туда-сюда, туда-сюда, я чуть-чуть привстану и снова надавлю. Цепь будет позвякивать. Я буду подпрыгивать на кочках. Я буду ехать. Я оглянусь на дедушку, стоящего позади меня. А потом будет грохот. А потом будут болеть колени. А потом будут слезы.

Груши

Мы будем рвать груши с веток, мы будем рвать груши, они будут маленькие и зеленые, мы будем кусать все подряд, и во рту будет вязко, и во рту будет сухо. И захочется пить воды, студеной, из колодца зачерпанной. А колодец будет далеко. А груша будет высокая. Мы будем стоять на краю ярка, мы будем рвать груши с веток, мы будем забрасывать их в пакеты, чтобы потом сидеть на нашем дереве и грызть груши, чтобы бросать оборванные пуповины палочек на землю. Чтобы болтать ногами и глядеть снизу вверх на грибы, которые приросли к дереву, которые похожи на речные раковины. Мы будем рвать груши, а вокруг будет темнеть. Дождик будет покрапывать. За моей спиной будет что-то гроыхать. За моей спиной будет что-то биться. И мне покажется, что кто-то бьет посуду. Бьет и бьет, а посуда все не кончается. Я начну всех поторапливать. И вдруг небо прорвется. И хлынет дождь. Дождь будет заливаться за шиворот, дождь будет обжигать шею, дождь будет проникать под юбку, и под юбкой будет неприятно-мокро. Она будет липнуть к ногам, ноги будут покрываться мурашками, и руки будут покрываться мурашками. И мы забудем про груши. Мы втянем головы в плечи, мы будем обнимать самих себя, мы будем пытаться согреться. Мы будем бежать от дождя, мы будем перепрыгивать через лужи, мы будем шамкать по размякшей грязи, мы будем по щиколотку в грязи. Мои сандалии будут скользкими, нога будет елозить туда-сюда. Я буду ловить сандалии. Я буду ловить сандалии, а потом отстегну тонкие ремешки над косточками, и стану шамкать босиком. А потом мы прибежим домой. А потом будем стягивать с себя мокрое. А потом будет расчесывать слипшиеся, похожие на сосульки, волосы. А гром будет накатывать. А молнии будут вспыхивать. Дождь будет биться о шиферную крышу. Крыша будет звенеть. А мы будем лежать под одеялами. А мы будем лежать под одеялами. А забытые в ярке груши будут выкатываться из пакетов, а груши будут мокнуть.

Пятно

Мы разложим на траве простынь, мы будем приминать траву, мы будем выкладывать из рюкзаков картошку, непременно печеную, мы будем выкладывать из рюкзаков хлеб, который нам привозят на лошади каждую неделю, который вынимают из телеги, который вынимают из-под сена, и он пахнет сухими травами, и он пахнет сывороткой. Мы разложим на траве простынь, мы будем выкладывать из рюкзаков мытые кисточки укропа, которые можно прикладывать к впадинке между носом и губами, и они будут похожи на усы. Мы будем выкладывать из рюкзаков мытую редиску, мы будем выкладывать огурцы, сорванные наспех, с черными колючими точками. Мы будем выкладывать спичечные коробки с солью, мы будем выкладывать бутылки с бабушкиным компотом.

Ребята побегут за яблоками, они будут срывать с веток медовые коричные, они будут срывать с веток недозрелую антоновку, они будут срывать с веток румяный штрифель. Они будут складывать их в задранные рубахи. Они будут высыпать яблоки на простыню. Они будут сидеть на траве, они будут грызть яблоки, они будут морщиться от удовольствия.

А я побегу к кусту ежевики, я буду собирать ягоды, я буду колоть пальцы, я буду складывать ягоды в карман голубого в полосочку платья, я буду складывать ягоды в карман, а потом вернусь к простыне, а потом увижу большое пятно на кармане, а потом увижу большое пятно. Оно будет фиолетовое, оно будет похоже на тучу, оно будет похоже на кляксу. Я стану вынимать из кармана мятые ягоды, и буду бросать их под ноги. И буду бросать их под ноги, и под ногами будет ежевичная каша. И я буду прятать слезы, и я буду прикрывать пятно ладонью. Я буду отказываться играть в волейбол, я буду отказываться играть в калеку двадцать первого века, я буду отказываться играть в вышибалы. Я буду сидеть возле простыни, я буду прятать слезы, я буду прикрывать пятно ладонью.

Пшеница

Ребята будут давить лягушек на плотине, чтобы пошел дождь, чтобы он размыл все дороги, чтобы мы не уехали. Ребята будут давить лягушек, а я буду набивать карманы шершавыми кубышками крыжовника, а я буду набивать карманы. Бабушка будет складывать пирожки в корзинку, бабушка будет накрывать их тряпкой, бабушка будет наливать в термос чай. Чтобы мы его пили в дороге, чтобы мы его пили, а потом просили папу остановить машину, а потом бежали в кусты, а потом возвращались с горсткой пыльной земляники. А потом смотрели по сторонам на скучные деревья, а потом ложились друг другу на колени и засыпали.

Папа раскроет капот машины и будет там что-то подкручивать. Мама будет ходить вокруг папы и показывать на ту дальнюю тучу, из которой может получиться дождь. Мама будет ходить вокруг папы, а папа будет глядеть в капот, а папа будет там что-то подкручивать.

А я буду набивать карманы крыжовником. А я буду набивать карманы. А потом вспомню про поле, в котором давно не была, а потом вспомню про поле, и мне захочется с ним попрощаться. И мне захочется убежать туда, где пшеничные колосья шушукаются друг с другом, где пшеничные колосья щекочут ноги тонкими и золотистыми своими усами. Где можно набрать с горстку пшеничных зерен и очистить их, как семечки, и засыпать в рот. И жевать их до тех пор, пока пшеничная каша не станет похожа на тягучую жвачку, пока из каши не получится надуть пузырь.

Я буду бегать по полю, я буду обрывать колосья, я буду бегать по полю, а потом опрокинусь в пшеничную сухость, а потом услышу, как мои волосы рассыпаются, а потом услышу, как пшеничные колосья шелестят надо мной, и я буду лежать в утробе пшеницы, и я буду думать о хлебе, который из нее делается, и я буду думать о Малине, которая стоит зимой в темном сарае, которая хлещет себя хвостом, которая пьет воду из ведра, и жует бесконечное свое зерно. И я вспомню про Малину, и мне захочется поцеловать ее замшевую морду, и мне захочется протянуть ей кусочек сахара. Я буду лежать в утробе пшеницы. Я буду слушать ветер. Я буду вглядываться в небо. Я буду искать тучу, из которой может получиться дождь.

Алюминиевый ковш

Я буду опрокидывать алюминиевый ковш, с него будет литься вода, студеной, которую мы глотали жадно, которая ухала в живот, как ледышка, и живот холодел, и живот схватывала спазма. Я буду опрокидывать алюминиевый ковш, с него будет литься вода. Она будет течь по земле тонкими ветвистыми ручейками, она будет стекать с пригорка, с которого я однажды упала, когда ехала на велосипеде, когда отвлеклась на бабушку.

Вода будет стекать с пригорка, вода будет образовывать лужу. И пышная серебристая Алиска будет лакать из нее воду. А потом прибежит Мотя, и станет тереться о мою ногу, и станет мяукать, и станет просить рыбки. А я буду стоять с ковшом, а я буду лить воду. Бабушка будет сидеть в саду на черном раскладном стуле, бабушка будет чистить грибы, бабушка будет хвалить деда за большой белый, а дедушка будет греметь цепями, а дедушка будет вешать качели, а дедушка будет стучать молотком. А я буду опрокидывать алюминиевый ковш, с него будет литься вода, а ребята будут идти по плотине, а ребята

будут возвращаться с пруда, и на их плечах будут висеть скрученные в морковку полотенца.
Они будут садиться на лавочку, они будут раскладывать карты.

А я буду стоять возле нашего побеленного дома. А вода будет пульсировать в ковше.
А вода будет литься.